

УДК 159.9.016.1:141.5

ХАЛАНСКИЙ В. В., аспирант Института социальной и политической психологии НАПН
г. Донецк

ОСНОВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ ИНТЕГРАЦИИ ПСИХОЛОГИИ И БОГОСЛОВИЯ

Предметом статьи является гуманитарно-богословский диалог, который способствует выявлению основных предпосылок для интеграции психологии и богословия в XX-XXI вв. В работе прослеживается проблемное поле в определении психологии и богословия (их категориального аппарата), подчеркивается их методологическое отличие в подходе к исследованию, их антиномичность. Моделью для поиска в интеграции богословия и психологии является схема "Иерархии наук" (Н. Мэрфи и Дж. Эллиса) в соотношении с христианским персонализмом, исходящим из христианской антропологии (Etienne Gilson, Karol Wojtyla\John Paul II) выделяется христианская психология (С. Кьеркегаард) как результат интеграции психологии и богословия.

Ключевые слова: иерархия наук, психология, неклассическая наука, интеграция, субъектно-объектная парадигма, антиномия, человек/личность, Тринитарное богословие, диалог, онтология и гносеология, христианская психология.

Предметом статті являється гуманітарно-богословський діалог, який сприяє виявленню основних передумов для інтеграції психології та богослів'я в XX-XXI ст. В роботі прослідковується проблемне поле в визначенні психології та богослів'я (їх категоріального апарату), підкреслюється їх методологічна різниця в підході до дослідження, їх антиномічність. Моделью для пошуку в інтеграції богослів'я та психології являється схема "Ієрархії наук" (Н. Мерфі та Дж.Елліса) в співвіднесенні з християнським персоналізмом, витікаючим з християнської антропології (Etienne Gilson, Karol Wojtyla\John Paul II). На основі цього підходу виділяється християнська психологія (С. К'єркегаард) як результат інтеграції психології та богослів'я.

Ключові слова: ієрархія наук, психологія, некласична наука, інтеграція, суб'єктно-об'єктна парадигма, антиномія, людина/особистість, Тринітарне богослов'я, діалог, онтологія і гносеологія, християнська психологія.

The object of the article is a dialogue between Theology and the Arts. Particularly, it focuses on finding out the ways how this dialogue can help to identify the main premises for integration of Psychology and Theology in XX-XXI centuries. The article traces the problems that have to do with defining Psychology and Theology (their terminological apparatus) and puts a special emphasis on methodological distinction in approaching the object of study, particularly the antinomicity of different spheres of the research. A chosen model for our attempt to establish a premis for the integration of Psychology and Theology is a diagram The Hierarchy of the Sciences (N. Murphy and G. Ellis) in correlation with Christian Personalism, which emerges from Christian Anthropology (Etienne Gilson, Karol Wojtyla\John Paul II). On the basis of this approach a Christian Psychology (S. Kierkegaard) stands out as a result of integration of Psychology and Theology.

Keywords: scientific hierarchy, psychology, non-classical science, integration, subjective-objective paradigm, antinomy, person\personality, Trinitarian theology, dialogue, ontology, gnoseology, Christian psychology.

Постановка проблеми. Интерес со стороны представителей научной психологии к христианскому пониманию человека и его психики в их соотношении и диалога между богословием и классической психологией [1] в отечественной научной мысли появился примерно 20 лет назад, а точнее с 1993 г. [2, с.121].

Интенсивное изучение нравственной и христианской психологии активно начало обсуждаться (с 2000–2002 г. и по настоящий момент) на кафедре общей психологии МГУ [3, с. 1–2]. Чтобы понять всю серьезность подобных притязаний, достаточно упомянуть имена экспертов, представляющих парадигму христианской психологии: Б.С. Братусь, Ю.М. Зенько, Ф.Е. Василюк, Л.И. Воробьева, В.М. Розин, А.А. Пузырей, Т.А. Флоренская, В.В. Абраменкова, В.И. Слободчиков, чтобы увидеть всю серьезность данных притязаний.

Устойчивый интерес к интеграции богословия и психологии можно проследить в Европейском движении христианских психологов (Academy for Christian Psychology IGNIS) с 1988 г., которое смогло объединить христианских антропологов, психологов, врачей, богословов и психотерапевтов примерно 20 лет назад [18] в Польше. Участниками этого движения были специалисты из Германии, Нидерландов, Польши, России, Финляндии, Италии, Швейцарии, Норвегии [20]. 10-й симпозиум христиан-психологов и антропологов, который проходил 2–5 мая в Москве [20], где обсуждалась тема: "Будущее христианской Антропологии, психологии и психотерапии", тому подтверждение.

В целом интерес к интеграции П. и Б. интенсивно начал проявляться в США в 60–75 гг. (В. Narramore, Carter J., Gary R. Collins и др.). Но Евангельская традиция христианской психологии берет свое начало в работах таких "протестантских мыслителей", как Richard Baxter's (1673), Jonathan Edwards (1746), Soren Kierkegaard (1844) и др. [21, с. 89]. В 1968 г. был создан Образовательный Фонд Христианского консультирования, миссия которого состоит в том, чтобы вернуть Христа в консультирование, а консультирование – в Церковь [15]. Также было основано Общество Христианских психологов [22], миссия которого состоит в "содействии отчетливому представлению о христианской психологии (включая теории, исследования и практику, которые основаны на христианском понимании человека)" [22, с. 355–365]. Именно многогранное понимание человека в перспективе Священного Писания и является целью христианской психологии. Стоит упомянуть о Христианской Ассоциации Психологического изучения (CAPS), которая существует, с 1956 г., появившись в русле Реформаторской Церкви [17, с. 311–320]. Напомним, что в основании этой Ассоциации находились Bruce Narramore, Gary Collins, Graig Ellison, H. Newton Malony.

Презентация вышеизложенных психологических и психотерапевтических христианских школ позволяет нам обозначить исторические точки отчета и векторную направленность дальнейших рассуждений. Ниже мы рассмотрим такие предпосылки, как: антропологическая предпосылка, модель "иерархии наук" и антиномия соотношения: личность-человек-индивид-психика.

Антропологическая предпосылка

Отправной точкой, которая создает основания для предпосылок к интеграции психологии и богословия,

и которая объединяет ведущие школы христианского консультирования, является антропология в богословском понимании. Такие категории, как личность, индивид, человек, душа, психика представляют предмет, как научной психологии, так и богословия. Под понятием **христианская антропология** мы будем подразумевать человека как целостную триметрию "тело-душа-дух", как существо, сотворенное и падшее, но первоначально созданное по образу Божьему [15].

Напомним, что попытки развития естественнонаучной психологической парадигмы, в которой рассматривалась личность целостно в соотношении с другими областями знаний, предпринимались не один раз. Эти соотношения с неклассической психологической парадигмой (В.В. Давыдов, В.П. Зинченко, Ю.Б. Гиппенрейтер, А.В. Брушинский, О.К. Тихомиров, Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн), философией (М.К. Мамардашвили, Г.С. Батищев, В.С. Библер, Ф.Т. Михайлов, А.С. Арсеньев, О.Г. Дробницкий, Г.П. Щедровицкий), антропологией (Ю.М. Зенько, С.С. Хоружий, В.В. Зеньковский), христианской психологией (Б.С. Братусь, Ю.М. Зенько, Ф.Е. Василюк, Л.И. Воробьева, В.М. Розин, А.А. Пузырей, Т.А. Флоренская, В.В. Абраменкова, В.И. Слободчиков) в отечественной психологии имеют сложную историю. Высказывание Г. В. Оллпорта о том, что персоналистическая (изучающая личность) система в психологии в целом потерпела поражение, является подтверждением тому, что психология осталась без личности, без целостного человека.

Можно согласиться с Шеховцовой Л.Ф. в том, что христианская психология возможна лишь в том случае, если научная психология интегрируется с христианской антропологией [15], что позволяет выделить христианскую психологию в статус междисциплинарного направления в соединении теоретических и практических подходов. Необходимо здесь подчеркнуть, что в западной евангельской традиции христианская психология также выделяется как междисциплинарный предмет, где понятие интеграции занимает центральное место. Как правило, интеграция в западной евангельской традиции рассматривается как формирующий диалог (но это как один из методологических подходов) между "Христом и культурой, психологией и теологией, философской герменевтикой и постмодернизмом, физиологией работы мозга и существованием души" [23, с. 355–365], что подчеркивает широту традиции Церкви. Именно эта парадигма приоткрывает наше понимание психологии как таковой и позволяет посмотреть на нее в более широком, исторически-междисциплинарном ракурсе. Например, Robert C. Roberts, объясняя, "что необходимо понимать под термином "психология"", разделяет психологию на "современную/новую/экспериментальную психологию", период которой охватывает последние 100 лет, родоначальниками которой были В. Вунд, Гельмгольц, Вебер и Фехнер в Германии, Гальтон в Англии и Бине во Франции, и психологию

с “исторической перспективы”. Последняя модель, или “историческая психология”, всегда была прерогативой церкви. Робертс говорит об Отцах Церкви, учении Августина на Западе, Фоме Аквинском, Кьеркегоре, Достоевском, Толстом и др., которые в этом смысле были христианскими психологами [19, с.21-40]. Хотя мы знаем, что В. Вунд институализировал экспериментальную психологию, создав свою лабораторию. Следствием институализации стало то, что авторов, создававших фундаментальные работы о “душе”, сменили ученые, писавшие статьи, посвященные результатам своих лабораторных исследований.

Предметом антропологии в собственно теологическом смысле слова является человек, созданный по образу и подобию Божьему. Понятийный аппарат данного предмета составляют такие концепты, как “индивид”, “личность”, “человек” и т.д.

По мнению священника и психолога Андрея Лоргуса, понятие “личность” психология не вводила и не разрабатывала, но позаимствовала из философского опыта, а изначально – из богословской картины мира. Поэтому категория “личность” в психологии оказывается зависимой от философской/богословской основы. Мы рассмотрим классификацию, отражающую исходные положения во взгляде на личность. Это попытка согласования психических терминов “психика и тело”, исходя из трех мировоззренческих систем:

1. Общественно-исторический подход к рассмотрению категории “личность” (Фейербах и Маркс). Личность рассматривается как продукт общественного и исторического развития. Природа Я-концепции формируется под влиянием социальных отношений и выполняет интериоризирующую функцию. Последовательно эта теория нашла свое воплощение в теории Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, хотя, по справедливой оценке А.В. Брушинского и К.А. Абульхановой, именно у С.Л. Рубинштейна была первая в советской философии и психологии попытка создания оригинальной целостной концепции человека (особенно в поздних его работах, где он делает поворот к экзистенциальному видению мира). Это была своеобразная попытка возвращения человека в онтологическом смысле слова, однако “изменение онтологической линии (в работах С.Л. Рубинштейна, С.Х.), без изменения гносеологической обусловили их несоответствие” (в работах Л.И. Воробьева);

2. Биологический подход [5, с.55-56]. “Личность” – это усложненное в той или иной мере степени понятие организма. Личность является некой организацией усложнения человека эволюцией. Личность – это сцепление рефлексов.

3. Экзистенциально-гуманистический подход (М. Бубер, С.Л. Рубинштейн, Шелер, В. Франкл, К. Роджерс). Здесь мое Я проявляется как феномен взаимодействия с другой личностью, оно сопряжено с Ты. Данный подход актуален в случае трагедии, потери

личности, в ситуациях самотрансценденции – выходом личности за свои пределы, стремлению вверх, к безграничному развитию. Этот подход “... скорее дополнение, шаг вглубь, открытие нового пласта человеческой жизни, который большинством других подходов (в психологии, С.Х.) и направлений не затрагивается...” [8, с.3-6].

4. Христианская психология, основанная на христианском понимании человека. Источником личности является Бог. Личность – это дар Божий и образ Бытия, который дан человеку по образу и подобию Бога. Точкой отчета для обретения своей подлинности является Бог, личность обретается в общении с Троицей Богом, там она и познает свой первообраз в личности Христа. Истоком понятия “личность” является учение о Христе, которому синонимично понятие “ипостась”. Соотношение природы и ипостаси во Христе, такое же, как в соотношении человека и личности. Когда мы говорим о личности в психологии, мы имеем в виду Божественную тайну.

Из этого скромного обзора мы можем заключить, что христианская психология имеет богатую традицию в понимании человека и проявлении таких его качеств, как свобода, любовь, творчество, ответственность. Восстановление нашего понимания человеческой личности всегда сопряжено со свободой и достоинством. Личность имеет в себе потенциал неизменяемости в своей человечности. Зрелость и развитие личности сопряжено с духовными ценностями. Учитывая, что в Европейскую традицию понятие личности переходило из богословия в философию, а из философии в психологию, то, возвращаясь к богословской традиции, мы воссоздаем целостность человека [19, с.168-208]. Для К. Барта антропология не мыслится без Христологии. Основой всякой антропологии является Христология. Отсутствие полного учения о Христологии становится основой для всякого рода блужданий. К. Барт говорит о том, что учения о Христологии, так же, как и учения о Троице, о соединении Бога и человека, о целостности всего и Центре целого, рассматривались как некие частные положения. В этом Барт видит “...источник заблуждения древнего христианского вероучения, ... который оказался роковым по своим последствиям и сегодня должен быть устранен” [1, с.67-68]. Согласно антропологии Барта, личностный образ бытия человека, его онтологическая основа сопоставима с православной антропологической перспективой в сопоставлении с сотериологией [14, с.2-4]. Кароль Войтыла подтверждает: “Человек – объективно всегда “кто-то”, и это-то обособляет его от всего сущего в видимом мире, которое объективно всегда “что-то” [25, с.21]. Личность в своей объективации бытия создает пропасть между собой и объектом-вещью. Мы можем согласиться с тщательно проработанным исследованием Сергея Александровича Чурсанова, где личность – это “несводимая к природе, свободная, открытая, творчес-

кая, уникальная, целостная в смысле как неделимости, так и нерушимой идентичности, непознаваемая аналитическими объективирующими методами онтологическая основа человека, определяющая образ бытия его индивидуализированной природы" (Сергей Чурсанов 2005).

Опираясь на глубоко проработанный опыт христианской антропологии, в контексте определения психологии как "исторической перспективы" (стоит обратить внимание и на позицию Н.Н. Нечаева по поводу "исторической психологии" (одной из значимых работ по психологии он считает "Никомахову этику" Аристотеля). В лекциях, прочитанных в МГУ на тему "Пути развития деятельностного подхода". 13.12.09, мы можем предположить, что христианская психология может существовать на уровне мета-знания, со своим набором понятийного аппарата и определенно разработанных концепций. Например, на одном из философско-психологических семинаров, руководимых Борисом Сергеевичем Брагусем, выступали выпускники психологического факультета МГУ по специализации "психология религии". Один из докладов (Валентины Быковой) – о неоднозначности депрессивного состояния. Автор считает, что нельзя видеть в депрессии только болезнь, которую надо лечить. Состояние депрессии может быть плодотворным для переосмысления себя, познания себя. Данная теория может служить примером интегративного/комплексного подхода христианской психологии к решению стандартных психологических проблем.

Психология в "иерархии наук"

Вопрос соотношения психологии как экспериментальной и прикладной науки с философской областью знания – это вопрос не отвлеченный и не праздный для психологов. В философии мы выделим онтологический (человек каков он есть в своем бытии) и гносеологический (точка зрения, с которой мы рассматриваем человека и пытаемся его понять) ее аспект, предметом изучения в котором и является человек. Вопросы о соотношении психологии и этики (философской области знания) на Западе широко развернулись с середины 20-го века в лице психологов – экзистенциалистов: Л. Бинсвангер, Джеймс Бьюджентал, Рэлло Мэй, а в отечественной науке первые попытки были сделаны, условно скажем в 80–90 гг., в лице таких корифеев науки, как Борис Сергеевич Брагусь, Андрей Владимирович Брушлинский, Сергей Леонидович Воробьев, Василий Васильевич Давыдов, Владимир Петрович Зинченко, Виктор Иванович Слободчиков, Владимир Владимирович Умрихин, Юлий Анатольевич Шрейдер, Борис Григорьевич Юдин, Михаил Григорьевич Ярошевский. Здесь же стоит напомнить об устойчивом интересе к таким направлениям в психологии, как экзистенциальная, экзистенциально-феноменологическая психология (А.Б. Орлов, А. Лэнгле, В.Б. Шумский). Вопрос соотношения

психологии и философии/богословия имеет непосредственное значение для клинической психологии в понимании того, что есть норма, и, скажем, адаптивность и т.п. Напомним слова известного французского психиатра в начале 20-го в.: "В тот самый день, когда больше не будет полунормальных людей, цивилизованный мир погибнет, погибнет не от избытка мудрости, а от избытка посредственности". В конце концов, вопрос ставится таким образом: если психология изучает психику человека (здесь мы разводим понятия личность, человек, психика), которая является особым аппаратом, служащим человеку в его ориентировке в мире (по П.Я. Гальперину), то, что/кто есть то/тот, куда она встроена, т.е. человек? Без понимания этого мы можем неправильно судить о психике в целом. Современные исследователи привлекают эпистемологическую (то, как мы можем знать, и каков критерий научного знания) аргументацию к исследовательскому подходу о достоверности экспериментальных количественных и качественных данных, которые достигаются, прежде всего, посредством концептуализации точки зрения ученого [11, с.220-221]. А концептуальная точка зрения имеет, прежде всего, связь с такими вопросами, как: "Какова природа реальности?", "Каковы отношения исследователя и исследуемого?", "Как определить истину?". Это хорошо понимал А.Н. Леонтьев, выделяя бытийный слой сознания, где сам бытийный слой или уровень взаимосвязан с биодинамической тканью действия и чувственной тканью, что указывает на иррациональность, рожденную в бытийном слое [6, с.15]. По мнению Н. Мэрфи (и не только, см. подобную иерархию у С. Крымского, Л.Д. Ландау, академика Б. М. Кедрова, А. Реасоске), богословие, изучающее наивысшие степени сложности отношений между Богом и мирозданием, должно возглавлять иерархию систем наук, где вопросы соотношения психического (измеряемого) соотносятся с душой (не измеряемой). Уместно будет напомнить, что Б. М. Кедров помещал психологию в центре своего "треугольника наук", один угол которого занимают науки естественного цикла, другой – гуманитарного, вершину – философия. То есть отвел ей очень почетное место – она представлена как некое "тело наук", заключающая в себе главные формы научного знания. Но за этот почет психологии приходится очень дорого платить. Интересно, но психология по этой схеме не определена сущностно, она не имеет понятий, из нее самой полностью исходящих и полностью выявляемых через собственное движение (Б.С. Брагусь).

Приведем наиболее удачную модель об иерархии наук, предложенную Н. Мэрфи и Дж. Эллисом. Данная модель представляется актуальной в нашем исследовании, поскольку не соглашается с редукционистской идеологией об упрощении, в нашем случае, феномен человека как норма для психологии, а психология не в состоянии справиться без этической

составляющей. Однако уже здесь важно отметить напряжение, которое создавалось между классической экспериментальной психологией с ее измерительно-языковым аппаратом и той “исторической психологией”, которая существовала в христианской традиции со своим хорошо проработанным терминологическим аппаратом. Это напряжение артикулировало себя в появлении неклассической парадигмы, в формировании антипсихиатрического движения (лидерами которого стали Д. Купер, Р. Лэинг, Т. Шаш и др.), которое требовало отмены больничных порядков, отмены самих терминов “психиатрия”, “психиатр”. Согласно этому движению: “... психиатрические больницы есть не что иное, как воплощение дегуманизирующего начала в обществе, ибо здесь “каста” врачей беспрепятственно творит насилие над беззащитной “кастой” больных. Что касается психиатрических понятий, то они расценивались как сбивчивая наукообразная классификация, цель которой – замаскировать социальные функции психиатрии, а именно функции репрессии, изоляции неугодных обществу лиц” [4, с. 11]. В XX в. подобный импульс исканий чувствовали христианские теологи как на Западе, так и на Востоке, которые обратили пристальное внимание на реконструкцию живого человека через изучение учения о Пресвятой Троице.

Суть предложенной модели иерархии наук состоит в следующем: в ее основании находится физика, химия и биология; затем происходит деление на гуманитарные (на нижней ступени иерархии: психология, затем социология, экономика и политология, на вершине – этика) и естественные (экология, астрофизика и космология) направления [11, с. 220-221]. На каждом уровне иерархии возникают вопросы, ответить на которые можно только находясь ступенью выше. Подобные вопросы называются “пограничными”. Эти вопросы, по большей части, носят этический характер. Для нашего предмета исследования подобные вопросы звучали бы таким образом: что есть норма (в частности “психологическая норма”) или что есть нормальное развитие личности? По словам Б.С. Братуся, ответа на эти вопросы не существует, он просто ускользает в рамках психологии, но лежит за ее пределами, т.е. в высших структурах иерархии. Нужно сказать, что понятие нормы напрямую связано с психическим, психофизиологическим и социальным уровнями.

Наше понимание “нормы” или “нормальности” будет формировать наш метод лечения, наше представление о “правильном” состоянии пациента, нашу направленность лечения. Однако надо напомнить, что понятия нормы зависит от нашего представления о том, что есть благо для человека, а как известно из истории психиатрии в прошлом столетии, наука зачастую была служанкой идеологии, без ясного этического ориентира. Приведем отрывок из книги, который наглядно подтверждает нашу мысль: “Когда я выдаю кому-то удостоверение о психическом расстройстве, я выражаюсь не двусмысленно, записывая в документе

то, что человек – душевнобольной, может представлять опасность для самого себя и других, требует ухода и лечения в психиатрической больнице. Однако в то же самое время, по моему мнению, существуют другие люди, которые считаются здоровыми, но на самом деле являются душевнобольными, которые могут представлять такую же или еще большую опасность для самих себя и других, но которых общество не считает психически ненормальными и не помещает в дурдом. Мне известно, что человек, о котором сказали, что он заблуждается, возможно, при своем заблуждении говорит мне правду, и не двусмысленно или метафорически, но в буквальном смысле слова, и что расщепленный разум шизофреника может впускать свет, который не входит в неповрежденные, но закрытые умы многих здоровых людей. По мнению Ясперса, шизофреником был Иезекииль. Поведение пациента в некоторой степени является функцией поведения психиатра в том же самом поведенческом поле. Стандартный психически ненормальный пациент есть функция стандартного психиатра и стандартной психбольницы. Символическим основанием, которое, так сказать, подчеркивает описания Блойлером шизофреников, является его замечание, что, “когда все сказано и сделано, те становились для него более чуждыми, чем птицы в его саду” [9]. Здесь же напомним рассуждение польского психолога и клинициста К. Домбровского, который считал, что способность всегда приспосабливаться к новым условиям и на любом уровне свидетельствует о моральной и эмоциональной неразвитости. За этой способностью скрываются отсутствие иерархии ценностей и такая жизненная позиция, которая не содержит в себе элементов, необходимых для положительного развития личности и творчества.

**Антиномия соотношения:
человек-личность-индивид-психика**

Предыдущие рассуждения позволяют нам соотносить понимание личности с более широким контекстом наук о человеке в системе иерархии наук и создают посыл к пониманию психологии, где понятие человека не редуцируется. Подобное понимание психологии своими корнями уходит в Священные Писания Ветхого Завета, где зафиксирована глубокая и целительная рефлексия душевной жизни человека посредством общения с Богом. Наше понимание научности в ракурсе христианской психологии исходит из того, что христианская научная психология начинается с Кьеркегора [21, с. 89]. С. Кьеркегарда можно считать родоначальником христианской психологии (психологии как науки). Работы С. Кьеркегарда “Понятие страха” и “Блезнь к смерти” являют собой пример научной психологии. Во введении к “Понятию страха” Кьеркегард специально говорит о взаимодействии психологии, этики и догматики. Психология призвана, по мысли Кьеркегора, показывать, как психологически возможно то,

что говорит о человеке догматика. В “Понятии страха” он исследует психологические условия возможности первородного греха. При этом христианская психология не является спекулятивным учением, дедуцирующим свои положения из положений догматики, но оказывается наукой о реальном – наукой, открытой поэтому ко всякому глубокому и серьезному постижению человеческой жизни, которое можно найти в литературе, искусстве и философии. Конечно, она не может игнорировать экзистенциальные вопросы и в этом смысле будет испытывать интерес к экзистенциальной мысли. Зачастую различие в соотношении терминов и понятий богословско-религиозных и современной научной терминологии не создают конфликт, но ставят задачу переосмысления подобного согласования. Напомним слова М. Хайдеггера о том, что язык – это “дом бытия человека”, поэтому подобная задача становится крайне важной.

Также важной становится задача соотношения современной научной парадигмы с богословско-философской интерпретацией таких категорий, как “человек”, “личность” или “индивид”. Однако ряд авторов отмечают, что при сходстве, во многих отношениях, науки и богословия и широких возможностях их взаимодействия перспективы их синтеза сомнительны ввиду различия фундаментальных мировоззренческих ориентиров. В частности, один из принципов научного мировоззрения, состоящий в том, что любое суждение может быть поставлено под сомнение и стать объектом рациональной критики, неприемлем для богословия – хотя, само собою, приемлем для религиоведения, психологии религии и других научных дисциплин, изучающих религию. Вполне возможны также эффективные системы построения практической деятельности (в частности, по оказанию психологической помощи), которые опирались бы и на научные, и на религиозно-богословские источники. Но теоретическое обоснование и осмысление таких систем с научной и с богословской позиций будет различным. Здесь вспоминаются В.П. Зинченко и А.К. Мамардашвили, которые подчеркивают мысль о том, что “Стремление к поиску объективных методов психологического исследования, равно как и потеря веры в их существование, порождают в психологии беспрецедентные для любой другой науки по своему разнообразию формы редукции психического” [6, с.45]. Огромный накопительный материал экспериментальных наработок также должен найти свое место в согласовании с богословско-философской системой координат.

Однако когда мы помещаем этот дискурс в предложенную выше систему координат иерархии наук, мы не видим явного противоречия. Поскольку высшие уровни хоть и отвечают на критические вопросы нижних уровней, однако здесь видится взаимное обогащение и взаимодействие на уровне всей иерархии.

Нам представляется целесообразным еще раз подчеркнуть возможность разведения таких понятий как “человек”, “личность” и “психика”. По мнению Б.С. Братуся, мы не можем снижать значимость психического аппарата психики, так же, как и ставить его во главу угла как саму цель развития, ибо в таком случае жизнь человека теряет высшее измерение и редуцируется, сводится лишь к психическим процессам. Психика, как мы подчеркивали выше, – это особый аппарат, который служит человеку в его ориентировке в мире. Психика человека – это высшие психические функции, такие, как внимание, восприятие, внимание и т.д. Психика несводима к личности и к человеку. По мнению Л.Ф. Шеховцовой, есть в секулярной психологии категории, которых нет в христианской антропологии: “психика”, “сознание” и “самосознание”, “отражение”. В позитивистской психологии психика связана с понятием отражения внешнего мира, поэтому категория “отражения” – одна из главных и спорных в неклассической парадигме. В данной категории “отражение” – это действие, которым познание замыкает человека на себе и внешнем мире, но не достигает Богопознания посредством веры. Поскольку в христианской антропологии центральным понятием является душа и ее набор свойств, мы можем полагать, что психика или психические свойства являются проявлением душевной жизни человека. Для соотношения более предметной/измеряемой категории, такой как, психика, и неизмеряемой богословской категории “душа” (или главным ее центром Я, т.е. сердцем, в Библейской терминологии), подходит понятие антиномия. Антиномия – это логическое противоречие, за которым скрывается реальная гармоничная система противоположностей. Антиномия решаются у Канта так, что тезис и антитезис, несмотря на кажущуюся несовместимость, оба остаются верными, но в разных смыслах. Они помогают открыть реальную систему бытия как гармонию разных и противоположных смыслов и значений, ибо конкретная реальность не однозначна, но многомысленна и многозначительна. Здесь уместно напомнить замечательное выражение о Павла Флоренского о том, что “Где нет антиномии, там нет и веры”, т.е. тезис и антитезис, как основа и уток, сплетают самую ткань религиозного переживания. В нашем случае, сцепление противоположных и одновременно верных понятий видятся в такой системе координат, как по горизонтали (конечное и измеряемое), так и по вертикали (бесконечное и неизмеряемое, но устремленное к Богу). Именно в подобной системе координат и видится соотношение уже не только “исторической психологии”, но и современной/экспериментальной.

Заключение

Таким образом, приведенные рассуждения о предпосылках интеграции психологии и богословия, на наш взгляд, еще раз подчеркивают приоритетность и актуальность изучения таких аспектов, как: антропологи-

ческий, психология в иерархии наук и антиномия соотношения. Выбор подхода интеграции психологии и богословия, их понятийное определение, способ их соотношения/интеграции не может осуществляться без многоуровневой системы координат.

Понятие интеграции во многом будет зависеть от угла зрения и от той системы координат, куда мы помещаем наши понятия “психология” и “богословие”. Мы можем выделить:

1. “Историческую психологию”, которая находит свою обширную и глубокую проработку в антропологии религиозной традиции, источником которой и является Священное Писание. Данное выделение психологической парадигмы находит свое отражение в неклассических и экзистенциальных психологических направлениях;

2. Экспериментальную или современную психологию, институализация которой имеет прочное положение в современной науке. Однако данная психологическая конструкция нуждается в дополнительной реконструкции со стороны онтологической и гносеологической составляющих.

На основании антропологического аргумента мы можем предположить, что:

3. Христианская психология исходит из антропологического принципа, который состоит в том, что человек сотворен по образу и подобию Божьему. Именно из антропологического аспекта и вытекает христианский персонализм в XX в.;

4. Понятие “личность” коренится в христианской традиции о Тринитарном богословии. Соотнесение христианского представления о личности (дух, душа, тело, индивидуальность, сердце/Я может соотноситься с психологическим (экспериментально ориентированным) категориальным аппаратом: сознание, индивид, чувство, воля, самосознание.

Основываясь на антиномичном понимании личности, мы предполагаем, что:

5. Богословие как смысловой вектор направленности по вертикали соотносится с социальным и межличностным ориентированным вектором по горизонтали. Направленность по вертикали, отображает бытийный уровень природы человека, а горизонтальная – конечную и временную направленность. Векторная разность в направленности антиномична по природе и сосуществует в разной направленности из-за разности предмета и методов исследования;

6. Христианская психология выделяется как междисциплинарный предмет (исходя из иерархии наук) изучения с ориентацией на практические навыки, заимствованные из других психотерапевтических школ и направлений.

Цели и задачи христианской психологии могут быть следующими:

7. Формирование евангельской традиции в понимании интеграционных моделей между психологией (научные школы психотерапии) и богословием;

8. Оказание человеку психологической и психотерапевтической помощи в обретении смысло-жизненной ориентации спасения души и восстановлении отношений с Богом;

9. Разработка методов коррекционной и психотерапевтической работы на основе освоения опыта в евангельской традиции;

10. Построение у человека целостного христианского мировоззрения, приобретения им адекватного видения мира и себя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт К. Церковная догматика. Т. 1. – М.: ББИ, 2007. – (Серия “Современное богословие”). – С.67-68
2. Братусь Б. С. К проблеме человека в психологии / В.А. Лекторский // Вопросы психологии. – 1997. – № 5. – С.121.
3. Братусь Б.С.. Психология – наука о психике или учение о душе? / Б. Г. Юдин // Человек. – 2000. – № 4. – С.1-2.
4. Братусь Б.С. Аномалии личности. – М.: Мысль. – 1988. – С.11.
5. Денисенко Т. А., Петруня О. Э. Кризис психологической науки и герменевтико-феноменологическая разработка онтологии личности как условие его преодоления. / В. В. Миронов // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2004. – №1. – С. 55-56.
6. Зинченко В. П. Толерантность к неопределенности: новшество или психологическая традиция? / Е. В. Щедрина // Вопросы психологии. – 2007. – № 6. – С. 15
7. Зинченко В.П. и Мамардашвили М.К. Проблемы объективного метода в психологии / Б.И. Пружинин // Вопросы философии. – 1997. – №7. – С.45
8. Леонтьев Д.А. О предмете экзистенциальной психологии. // 1 Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: Материалы сообщений / Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.С. Мазур, А.И. Сосланда. – М.: Смысл, 2001. – С.3-6.
9. Лэнг Р.Д. Расколотое Я. [Пер. с англ. ИЦ “Академия”] – СПб.: Белый Кролик, 1995.
10. Мерфи Н., Эллис Дж. О нравственной природе вселенной: Богословие, космология и этика. – М.: ББИ, 2004. – С.200.
11. Ответственность религии и науки в современном мире / Под ред. Г.Гутнера (Серия “Богословие и наука”). – М.: Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. – С.220-221.
12. Слободчиков В.И. Христианская психология и гуманитарная практика // Всесоюзная научно-практическая конференция “Антропологические матрицы XXв. Флоренский П.А. – Выготский Л.С.: несостоявшийся диалог”. – М.: МГУ, 2002.
13. Чернова А.Ю. Эпистемологические основания различения количественного и качественного подходов. / Н. М. Кропачев // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Серия 12. Социология. Психология. Педагогика. – 2009. – Вып.1. Ч I. – С.184-185.
14. Чурсанов С.А. Богословское понятие личности в структуре методологической парадигмы православной психологии и педагогики. / В. Воробьев (протоиерей) // Вестник ПСТГУ. Серия 4. Педагогика. Психология. – М.: Свято-Тихоновский Гуманитарный университет. – 1997. – № 4. – С.2-4.
15. Шеховцова Л.Ф. О необходимости разработки целостной концепции человека на основании христианской антропологии и современной психологии. 31 мая 2010г. – <http://www.bogoslov.ru/text/810292.html>.

16. Christian Counseling & Educational Foundation (CCEF) – <http://www.ccef.org/mission-and-ministry>
17. Elliens Harold & Randolph Sanders K. Fifty years of CAPS: The Directors' Perspectives. / Elliens Harold & Randolph Sanders K. // *Journal of Psychology and Christianity*. – 2006. – Vol. 25, No. 4. – P.311-320.
18. THE EUROPEAN MOVEMENT FOR CHRISTIAN ANTHROPOLOGY, PSYCHOLOGY AND PSYCHOTHERAPY (EMCAPP) – <http://www.emcapp.eu>.
19. Gilson Etienne. *The Spirit of Mediaeval Philosophy*. – Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1991 – (Series "Gifford lectures; 1931-1932"). – P.168 – 208.
20. INTEGRATIVE PSYCHOTHERAPY: A CHRISTIAN APPROACH HISTORY, RESEARCH, REFERENCES. The Association of Christian Psychologists – Poland, 2009. http://www.fapsyrou.ru/science/projects/10-y_simposium_evropeyskoe_888.
21. *Psychology & Christianity: four views* / [Collins Gary R., Myers David G., Powlison David, Roberts Robert C.] by edited Eric L. Johnson & Stanton L. Jones. – Line: IVP Academic, 2000. – P.89.
22. The Society for Christian Psychology – <http://christianpsych.org>
23. Sorenson Randall & Derflinger R. Kimberly. National Collaborative Reserch on How Students Learn Integration: Final Report. / Sorenson Randall & Derflinger R. Kimberly // *Journal of Psychology and Christianity*. – 2004, Vol. 23, No. 4. – P.355-365.
24. Stephen Allison H. *The Christian Association for Psychological Studies: a history (1979-2006)*. / Ellens, J. Harold // *Journal of Psychology and Christianity*. – 2006. Vol. 25, No. 4. – P.305-310.
25. Wojtyla K. (John Paul II). *Love&Responsibility*. – New York: Farrar. Straus. Giroux, 1994. – P.21-40.